

ВСЕ — ЗА! ЧТО ДАЛЬШЕ?

С

Советский цирк. 1990. 17-23 мая (№20) с. 9

Семь месяцев дрессировщица Маргарита Бреда каждое утро отправляется в главк. Ежедневно, переходя из кабинета в кабинет, от начальника к начальнику, пытается добиться своего. Чье терпение лопнет быстрее, трудно предугадать. Пока же при всей настойчивости Маргариты, сделать ей почти ничего не удалось.

Правда, она овладела некоторыми секретами делопроизводства, в какой-то мере обучилась машинописи, познакомилась с работой телетайпа. Ее деловые качества были замечены, и она получила приглашение поработать... во вновь созданной Внешнеторговой фирме. Но Маргарита неуклонно гнула свою линию.

Что же задумала упрямая дрессировщица? Ведь над решением ее проблемы из последних сил бьются зооветотдел Союзгосцирка и лично его начальник А. Митин. И целая внешнеторговая фирма во главе с Г. Агаджановым.

Ничего сверхъестественного. Конечно, для нас с вами, уважаемые читатели, приобретение обезьяны-шимпанзе — покупка необычная, даже чрезвычайная. Но для артистов цирка — это дело обыденное. Такая у них, дрессировщица, работа. Им животных подавай, иначе они не могут.

Как известно даже школьникам, в нашей стране водятся много всякого зверья. Но дрессировщики так и норовят выбрать нечто экзотическое. То им хочется слона, то бегемота, то крокодила, то жирафа. Такой своеобразный выбор они объясняют одним лишь желанием изумить и порадовать публику. Именно для этого смельчаки готовы на всякие испытания. И все же самым тяжелым бывает начальный период. Нет, не когда дрессировщик отважно подступает к незнакомому дикому зверю. А когда он робко входит в дверь ответственного чиновника, от которого зависит нужное решение.

В 1986 году была утверждена творческая заявка на совершенствование номера М. Бреды «Веселые друзья». Как справедливо полагала дрессировщица, пара забавных шимпанзе придаст ее выступлению комический характер. Опыт работы с обезьянами у Маргариты уже был. В номере «Веселые друзья» участвуют: три черно-пестрые буренки, три орловские рыска, два павиана-анубиса и лама. Много лет проработала она с агрессивными павианами. Долго приглядывалась к другим их сородичам, выбирала. И остановилась именно на шимпанзе, оценив их привлекательные внешние данные и пародийные способности.

Покупка валютных животных, а обезьяны относятся к их числу, всегда была процессом непростым. Но с недавних пор Министерство культуры сократило отчисления иностранных денежных знаков Союзгосцирку, а свои кровные, заработанные артистами, объединение еще не научилось получать. Словом, в этом неразберихе осложнились все контакты и расчеты с иностранными фирмами.

Несколько лет заявка М. Бреды переходила из одного годового плана подготовки новых номеров в другой. Но осенью прошлого года — дрессировщица получила все необходимые документы на приобретение обезьян. Но ей нужны не бумаги, а шимпанзе. А иностранные фирмы, поставляющие животных, не спешат вступать в деловое сотрудничество с новой внешнеторговой фирмой Союзгосцирка. И ее сотрудники, в свою очередь, не проявляют особой активности в делах.

— Просто заколдованный круг. Все — за. Никто не против. А дело стоит на мертвой точке! — безнадежно говорит дрессировщица, увидев меня в главке. — От постоянного ожидания нервы начинают сдавать. Как они работать собираются? Если так дело пойдет — скоро в цирке животные переведутся. Ведь не только у меня номер требует обновления.

— Зато ты дома. Ребенок учится в сво-

ей школе, наверное, навела порядок в квартире, — я пытаюсь найти какие-то положительные моменты в создавшейся ситуации.

— Конечно, кто с этим будет спорить. Мы так редко бываем дома. Но сидеть без дела тяжело. Душа болит за животных, оставленных в Кишиневском цирке. Хорошо еще, дирекция не гонит. Подумай сама, кому нужно содержать лишних, неработающих животных. А сколько сил потребуется для того, что восстановить их трюки? — вздыхает дрессировщица.

— Может, не стоило самой подключаться к этому делу, — неуверенно предполагаю я, — без тебя есть кому им заняться в главке, а твое место на манеже?

— Да, но мы же не роботы. Если ты что-то задумала, то, наверное, будешь добиваться своего. Как можно спокойно работать, зная, что где-то за тебя решают твоё будущее. Я так не могу. Вот и приходится бросать все и «прописываться» в главке.

— Значит, вы, артисты, попросту дублируете работу сотрудников аппарата?

— Нет, не дублируем. Скорее, пытаемся помочь своим бумагам «не утонуть» в море подобных заявлений. Дать им ход. В противном случае, надежды мало.

— Почему?

— У меня складывалось впечатление, что многое в нашем главке, делается на авось. Авось пройдет, авось прочтут. Ну не получится, настырный кто-то попался, значит, придется что-то предпринимать. А нет — и не надо. Если артист в Сибири, пока он сможет оттуда приехать, все сроки пройдут, а потом бесполезно искать виноватого. Его, как правило, нет.

— Поэтому в выходные дни все едут в Москву. В понедельник в коридорах главка не пройдешь — такая прорва артистов.

— Естественно, кто может себе это позволить, старается лично вести все переговоры. Но уверена, таких обеспеченных мало, скорее сюда съезжаются из ближних цирков, за редким исключением кто-то прилетит из Донецка. С другой стороны, что нам делать, если все централизовано: на любую мелочь, будь то трос, или тапочки, нужно разрешение Москвы. Думаю, что у нас нашлись бы в единственный выходной и более приятные хлопоты, чем поездка в главк.

— Сейчас идут споры о необходимости главка в системе цирка. Ты придержишься какого мнения?

— Главк нужен, но не такой, как сейчас, оторванный от наших забот. По-моему, он нужен для того, чтобы помочь проявиться талантам, помочь среднему артисту выпустить крепкий номер и избавить систему от балласта.

— Отличная программа. Но как она выражается в конкретных действиях? Хотя один ее пункт можно считать выполненным, пусть не до конца? Давай по порядку. Помогает ли главк таланту?

— Да, когда он лбом прошибает стену.

— Пожалуй, это характерно для посредственности. Талантливым людям чужды такие способности. Хорошо, с талантами всегда было непросто. Ну, а средние номера встречают тут поддержку в своих начинаниях?

— Да. Если их руководители достаточно настырны. Встречи с опытным режиссером, работа с настоящими мастерами манежа в одной программе помогает совершенствовать номер.

— Мы говорим о помощи главка, так что твои примеры не в счет. Думаю, о балласте тебе даже не придется рассуждать.

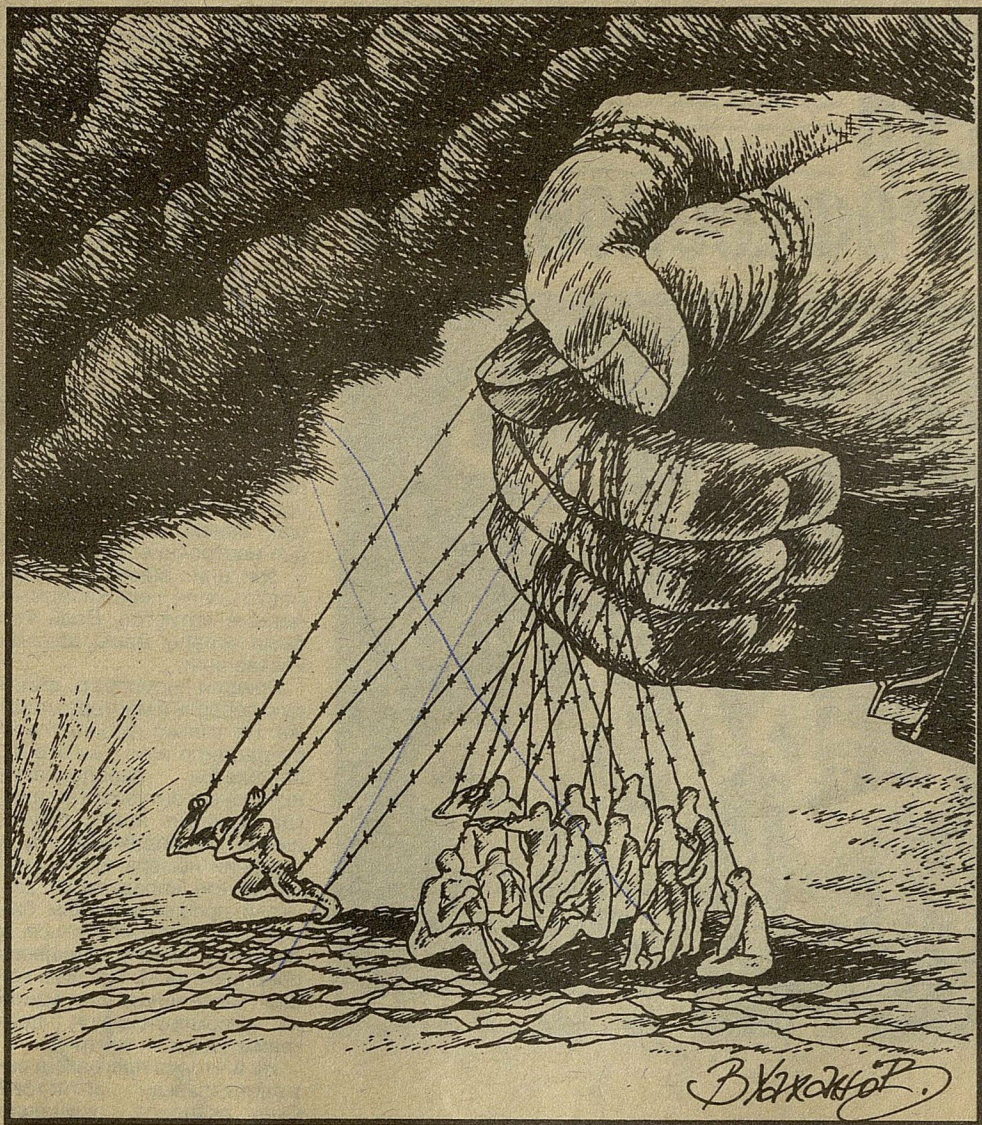
— Сдаюсь. Отчаянные попытки избавиться от слабых номеров были безуспешными.

— Так какую же роль играет главк в жизни артистов сегодня.

— Не дает загнывать.

— ?!

— Артист все время находится в состоянии

борьбы за свои права. И все же я — за главк. Тот главк, который станет нашим союзником. Может быть, я в чем-то отстала, но не представляю себе, как мы будем работать без какой-то координации программ.

Что, при каждом номере должен быть импресарио? Если я буду заниматься организацией гастролей, размещением животных, добыванием для них корма, а все эти проблемы встанут обязательно передо мной, то когда мне заниматься собственным творчеством?

— Согласна, что, ломая одну систему, нужно предложить полноценную замену, а ее пока нет. Так кому же, как не вам, среднему поколению, взяться за созидательную работу?

— Нашему поколению «повезло». Помню, когда я вставала на ноги, нас давили своим авторитетом корифеи: они упорно не желали потесниться, дать нам, молодым, дорогу. Прошло немного времени и нас стало поджимать младшее поколение. Так мы оказались в тисках. И все же, сейчас на нас, в основном, держится система. Но после долгих лет скованности, надо разогнуться, распрямить плечи. Мы впитали хорошие традиции, и это поможет выстоять. Следующее за нами поколение, на мой взгляд, не так предано цирку, они более прагматичны. Я же себя нигде, кроме цирка, не вижу.

— Это связано с тем, что ты выросла в цирковой семье?

— В большей мере, да. Ведь с малых лет я жила цирком. И для меня не было большей радости, чем выйти на манеж. Пусть в массовке, пусть на пару минут. Ни о какой оплате, как сейчас, и речи не было. Но я не осуждаю молодых — времена меняются и мы меняемся вместе с ними, так, кажется, говорили древние.

— А не стал ли цирк единственным твоим прибежищем в силу обстоятельств? Ведь не секрет, что цирковые дети, кончая вместе с родителями из города в город, не могут получить приличного образования, а значит, поступить в серьезный вуз?

— Не скажи. Все зависит от человека. От семьи. Главное, чтобы был интерес к учебе. Конечно, мы меняем не одну, две, а десятки школ. Разные учителя, разные методики, даже программы, сказываются на уровне полученных нами знаний. Но не в такой же степени! Да и в цирк я пришла не по прихоти родителей, потому что другого пути для себя не видела. Впрочем, мысль твоя не оригинальна. Лет двадцать назад чуть ли не издали приказ о том, чтобы детей артистов в цирк не принимать. Мол, все они захребетники и бездарии. Рекомендовалось набирать спортсменов, способных внести свежую струю.

— Это оправдало себя?

— У нас стало хорошей традицией сначала

делать, а потом — думать. Сначала все запретишь, а потом с трудом открываешь заново. Посмотри, кто стабильно работает в цирке? Дети артистов. Это костяк, опора. Спортсмены приходят и уходят, не пустив глубоких корней. Им все равно где работать. Главное, чтобы хорошо платили. Мы же выросли на манеже, с ним связаны детские радости и воспоминания о молодых родителях. Это наш общий дом, и как бы плохо в нем не было, он остается родным.

— Судя по всему, и твой сын, Максим, унаследует от родителей любовь к цирковому искусству.

— Мы не собираемся принуждать его. Пусть определится сам. Пока же он с удовольствием занимается с отцом гимнастикой и акробатикой. Это неплохо для общего физического развития каждого ребенка. С детства он знал, что его дедушка и бабушка артисты цирка. Он видел, как его родители каждый вечер поднимаются под купол, и продолжая традицию первого поколения нашей династии, работают «Воздушный полет». Я ведь совсем недавно полностью переключилась на дрессуру. Максика всегда крутил рядом на конюшне и помогал ухаживать за животными. Теперь учится азам дрессировки. При таком непосредственном контакте исподволь передается то, чему специально не научишь. Вот смотри, как он совершенно так же, как я, берет арапник и вспоминаю, что сама когда-то по-отцовски бралась за трапецию.

Если же он, повзрослев, выберет иную профессию, я препятствовать не буду.

— Как ты считаешь, не сказались ли долгая работа с животными на твоём характере?

— Естественно. Характер в чем-то изменился. Раньше была более нетерпелива, поспешнее принимала решения, пыталась торопить события. Теперь больше анализирую все поступки, стараюсь прогнозировать их исход. Когда начинаешь репетировать с животными, нужно уметь предвидеть, к чему все это приведет, какие могут быть побочные явления. Работа с животными требует ответственного подхода прежде всего к себе, к своим поступкам.

— Это как раз то, что необходимо в нынешней ситуации всем нам. А что подсказывает тебе интуиция? Как скоро ты приступишь к работе над новым номером?

— Не сыпь мне соль на раны... Вопросы, завязанные на главке, не поддаются точным прогнозам. Да и предварительные часто не сбываются. Впрочем, мы разговаривали, а мне еще телекс нужно послать сегодня, — и она, спохватившись, побежала в приемную директора фирмы.

Вдруг что-то решился. И в следующий раз, забежав в главк, я не встречу, как обычно, Маргариту Бреду, подумала я. Интересно, кто займет ее место?

В. УХАРОВА.